Пинковский Виталий Иванович

"ШАРЛЬ И ВИЛЬКУР" Ж. ДРОМГОЛЬДА: ОПЫТ ДИДАКТИЧЕСКОЙ ИДИЛЛИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В статье анализируется дидактическая идиллия эпохи Просвещения – жанровая модификация, так и не получившая распространения в силу устойчивости традиционных жанровых черт пасторали и жанровых ожиданий читателя: злободневное содержание плохо сочеталось с образом идиллического мира, который, с одной стороны, привлекал читателя именно своей хронотопической отстранённостью (от проблем современности и центров их возникновения – городов), а с другой – от трудностей собственно сельской жизни, создавая иллюзию "прибежища души".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 149-151. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82-1.-9
Филологические науки

В статье анализируется дидактическая идиллия эпохи Просвещения – жанровая модификация, так и не получившая распространения в силу устойчивости традиционных жанровых черт пасторали и жанровых ожиданий читателя: злободневное содержание плохо сочеталось с образом идиллического мира, который, с одной стороны, привлекал читателя именно своей хронотопической отстранённостью (от проблем современности и центров их возникновения – городов), а с другой – от трудностей собственно сельской жизни, создавая иллюзию «прибежища души».

Ключевые слова и фразы: эпоха Просвещения; идиллия; дидактизм; пасторальная модель счастья.

Пинковский Виталий Иванович, д. филол. н.
Северо-Восточный государственный университет
alennart@mail.ru

«ШАРЛЬ И ВИЛЬКУР» Ж. ДРОМГОЛЬДА: ОПЫТ ДИДАКТИЧЕСКОЙ ИДИЛЛИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ©

Статья написана в рамках выполнения госзадания Минобрнауки РФ (регистрационный № НИР – 6.2609.2011).

Дидактизм присутствует в пасторальной поэзии чаще всего имплицитно: описание блаженной жизни буколических персонажей поневоле наставляет читателя в том, что должно считать счастьем. Напрямую подобное назидание чаще всего звучит в речи лирического субъекта, противопоставляющего существование «раба городов» (esclave des cités) мирной и привольной сельской жизни (la vie champêtre), а иногда корректирующего модель сугубо пастушеского счастья потребностями образованного человека (в руках поэта, гуляющего по лугам и рощам, не рог и не свирель, а книга):

Heureux qui des mortels oubliant les chimères,
Possède une compagne, un livre, un ami sûr,
Et vit indépendant sous le toît de ses pères!
Pour lui, le ciel se peint d'un éternel azur;
L'innocence embellit son front toujours paisible;
La vérité l'éclaire, et descend dans son cœur;
Et par un sentier peu pénible,
La nature qu'il suit, le conduit au bonheur [4, p. 100].

(Счастлив, тот смертный, кто забыл о химерах, у кого есть подруга, книга, верный друг и живёт независимо под отеческой кровлей! Для него небо сияет вечной лазурью; невинность украшает его всегда безмятежный лоб; правда, живущая в глубине сердца, его освещает, и не трудным путём природа, которой он следует, его ведет к счастью (*Перевод здесь и далее наш – В. П.*)).

Эпоха Просвещения оказала влияние и на этот, казалось бы, не подверженный воздействию исторической конкретики жанр. Любопытным примером тенденциозной назидательности является идиллия Ж. Дромгольда (1718?-1781), литературного критика и преподавателя риторики в Наваррском коллеже (collège de Navarre), «Шарль и Вилькур» (1772 г.), определённая автором как «идиллия на новый лад» (idylle nouvelle). Сюжет идиллии по интриге скорее новеллистический: блестящий молодой кавалер (Вилькур), впавший в отчаяние из-за денежных проблем, пытается утопиться, но его спасает пожилой селянин (Шарль), который рассказывает неудачливому самоубийце историю собственной жизни, точнее, историю выживания и обретения душевного покоя после разорения; когда молодой человек проникается увещеваниями своего спасителя, вдруг появляется разыскивающий господина слуга из поместья и сообщает, что корабль с сокровищами, в гибели которого кавалер видел крах своих надежд, нашёлся.

Спокойная ирония селянина разбивает ложные представления юноши о невозвратимости утраченной чести («Честь! исправь себя и ты её вернёшь»), о невозможности прожить на две тысячи ливров годовой ренты («в деревне этого хватило бы на десять лет»), о непереносимых терзаниях, избавление от которых несёт только смерть («у тебя подагра? камни в почках? зубная боль?»), наконец, высмеивает материалистические представления спасённого, отличающиеся комической прямолинейностью:

Le Cavalier.
Ignorant! tu ne sçais donc pas,
Qu'après la mort il n'est rien? La matière,
De forme en forme, en diverse manière,
Se figurant, d'un homme fait un chou,

© Пинковский В. И., 2013

Et d'une rave un homme, et puis c'est tout.
Le Villageois.
Qui te l'a dit?
Le Cavalier.
Quelque chose, qu'on nomme
Le bon sens.
Le Villageois.
Le bon sens! ton bon sens? le pauvre homme! [2, p. 9].

(*Кавалер*: Невежда! ты разве не знаешь, что после смерти нет ничего? Материя, переформируясь различными способами, из человека создаёт капусту, из репы – человека, и это всё. *Селянин*: Кто тебе это сказал? *Кавалер*: Кое-что. Называется здравым смыслом. *Селянин*: Здравый смысл! твой здравый смысл? бедняга!)

В истории Шарля содержится намёк на его знатное происхождение – тем убедительнее звучат для Вилькура поучения аристократа, не стыдящегося своего нынешнего крестьянского состояния и, более того, кажущегося непритворно довольным своей жизнью. Селянин отказывается от возможности выдать свою дочь за разбогатевшего и благодарного ему за урок Вилькура. Прощаясь, «крестьянин-дворянин» так открывает своё имя: «Просто Шарль, а Вы - господин» (Je suis Charles, tout court, vous êtes un Monsieur), только затем подчёркивая социальное различие с собеседником, чтобы обозначить иной принцип аттестации личности, основанный на уважении человеческого достоинства, основанного на том, что добыто собственным трудом.

Идиллия Ж. Дромгольда была популярна у читателей-современников, но до сих пор недооценена литературной наукой (достаточно сказать, что в «Истории французской поэзии XVIII века» (P., 1975) Р. Сабатье даже не упоминается имя поэта [5]). А между тем Дромгольду удалось создать новаторское произведение, резко отличающее его от предшествующих и современных автору идиллий.

Б. де Фонтенель (1657-1757) в своём «Размышлении о природе эклоги» (1688 г.) определил два состояния сельской жизни – старинное (первоначальное) и то, которое было вызвано «совершенствованием общества или, может быть, его порчей». Первое характеризуется «безмятежностью и праздностью», позволявшими пастухам «воспевать свои удовольствия и любовные страсти», второе – «рабской зависимостью обитателей сёл от жителей городов, так что пасторальная жизнь стала уделом несчастнейших среди людей» [3, p. 38]. Как известно, пасторальная поэзия всегда и всецело была посвящена изображению первого состояния и даже проделала некоторую эволюцию на этом пути, «улучшая» нравы пастухов по части утончённости чувств и галантности их выражения, примером чего являются не в последнюю очередь пасторали самого Фонтенеля, смущавшегося грубостью пастухов Феокрита.

Пасторальная поэзия всегда в страхе отшатывалась от второго состояния (точнее, от оборотной стороны сельской жизни): тяжелый труд, несвобода, бедность не могли войти в содержание идиллий и эклог, не разрушив их жанровой природы. Ж. Дромгольд включает в свой текст именно эти содержательные элементы. Шарль вразумляет Вилькура:

Je vois,
Dieu me pardonne, que tu crois,
A ton calcul, qu'un villageois,
Un peysan n'est pas un homme.
Ces millions de tristes habitans
De la campagne, exposé à l'injure
Du chaud brûlant, et de l'âpre froidure,
Flétris par les travaux, et courbé par les ans,
Sans vêtemens, et Presque sans pâture,
Victimes de ton luxe et nés pour ton plaisir;
Vois les vivre, vois les mourir [2, p. 15-16].

(Я вижу, прости меня Бог, ты считаешь, что сельский житель, крестьянин не человек. Посмотри на эти миллионы печальных обитателей деревни, без вины страдающих от палящего зноя и жестокого мороза, иссушенных работами и согнутых годами, живущих без одежды и почти впроголодь, родившихся для твоего удовольствия и ставших жертвами твоей любви к роскоши. Всмотрись в их жизнь, всмотрись в их смерть).

Преодоление столь плачевного состояния возможно, учит селянин, только благодаря «трём благам» – «времени, сноровке и прежде всего – двум рукам». В идиллии отведено место и женскому труду: жена Шарля так умело ведёт хозяйство, что поучиться у неё приходят даже из соседних поместий. В отличие от традиционной пасторали, где счастье неотделимо от свободы (в первую очередь от труда), в «новой идиллии» Дромгольда счастье неотделимо от трудовых и семейных обязанностей. Такое счастье складывается из непритязательных мелочей, создающих чувство удовлетворённости жизнью. Бытовые детали, невозможные в прежней идиллии, составляют основное поэтическое обаяние текста:

La fidèle compagne
De mes travaux, le premier jour
Que je commençai le labour,
Long-tems avant l'aurore servi la soupe.

Je déjeûnai; puis sautant sur la croupe
D'un des criquets, aux champs nous arrivons
Mes deux bêtes et moi. Je faisois des sillons
Droits comme un I; tout alla bien. A l'heure
Que je rentrois, gagnant notre demeure,
J'eus un peu de souci. Sans moi, tout le matin,
Peut-être que ma femme avoit eu du chagrin.
Bientôt, de loin, je vis, auprès de notre porte,
L'enfant avec le chien jouant sur le gazon;
Notre femme chantoit; le diner sentoit bon.
J'entre, et bien vîte on nous l'apporte:
J'avois faim; et depuis ce jour-la, Dieu merci,
J'ai dit adieu pour toujours au souci [Ibidem, p. 21-22].

(Верная подруга моих трудов в первый день, когда я начал пахоту, задолго до зари приготовила суп. Я позавтракал, затем, прыгая на крупе одной из кобылок, отправился в поля вместе со своими животными. Я делал борозды прямые, как буква *I*; все шло хорошо. В час, когда я возвращался в наше жилище, я ещё был немного озабочен. Без меня все утро, возможно, моя жена провела в печали. Вскоре издалека я увидел ребенка с собакой, играющего на траве возле нашей двери, услышал песню жены и ощутил запах хорошего ужина. Я вошёл, и жена быстро собрала на стол: я был голоден. С этого дня, благодаренье Богу, я навсегда распрощался с заботой).

Идиллия Дромгольда, отказавшаяся от пастухов, нимф, даже от «природы», которую не замечает маркиз-землепашец, обозначила важную тенденцию в развитии французской пасторальной поэзии, суть которой можно выразить словами И. О. Шайтанова, основательно изучившего английскую пастораль XVIII века: «Последовательность поэм у Вергилия (*"Буколики" и "Георгики" - В. П.*) наметила творческий канон, согласно которому поэт должен был начинать с пасторали, но дальнейшее развитие мысли вело его к дидактической поэме» [1, с. 57]. Названная тенденция развивалась впоследствии во французской поэзии не в том направлении, которое намечала идиллия Ж. Дромгольда: идеал трудового счастья, замена «общества» патриархальной жизнью в кругу семьи и соседей-селян не казались слишком привлекательным читателю-горожанину, на которого пастораль издревле и рассчитана. Кроме того, соперницей-преемницей традиционной пасторали выступила описательная (descriptive) поэма, сохранившая некоторые пасторальные элементы как раз в той форме, которая поддерживала мечту беглеца от городской цивилизации о безоблачном существовании на лоне «натуры» (au sein de la nature).

Список литературы

1. **Шайтанов И. О.** Мыслящая муза: «открытие природы» в поэзии XVIII века. М.: Прометей, 1989. 260 с.
2. **Dromgold J.** Charles et Vilcourt, idylle nouvelle. Paris - Amsterdam: P. -F. Gueffier, 1772. 29 p.
3. **Fontenelle B. de.** Discours sur la nature de l'Églogue // Oeuvres de Fontenelle. Poésies pastorales et diverses. Psyché. Bellérophon. Thétis et Pélée. Énée et Lavinie. P.: Salmon, 1825. P. 37-63.
4. **Léonard N. G.** Le bonheur // Poésies pastorales par M. Léonard. Genève: Lejay, 1770-1790. P. 100-107.
5. **Sabatier R.** Histoire de la poésie française: 6 vol. P.: Albin Michel, 1975. V. 4: La poésie du XVIII-e siècle. 310 p.

"CHARLES AND VILCOURT" OF J. DROMGOLD: ATTEMPT OF DIDACTIC IDYLL OF ENLIGHTENMENT

Pinkovskii Vitalii Ivanovich, Doctor in Philology
North-Eastern State University
alennart@mail.ru

The author analyzes the didactic idyll of the age of Enlightenment - genre modification that was not spread because of the stability of pastoral traditional genre features and reader's genre expectations: topical content mismatched with the image of idyllic world, which, on the one hand, attracted the reader by its chronotopic detachment (from the problems of the contemporaneity and the centers of their origin - cities), and on the other hand - from the difficulties of rural life itself, creating the illusion of "sanctuary of the soul".

Key words and phrases: age of Enlightenment; idyll; didacticism; pastoral model of happiness.